

Тверская улица в домах и лицах

Автор:

Александр Васькин

Тверская улица в домах и лицах

Александр Анатольевич Васькин

Что может быть интереснее прогулки по Тверской – главной улице Москвы? Стоящие на ней дома сами расскажут нам свою любопытную историю, назовут имена живших в них когда-то людей, знатных и простых, известных и не очень. А мы прислушаемся к этому рассказу, ведь в нем немало для нас доселе неизвестного, таинственного и загадочного.

Александр Анатольевич Васькин

Тверская улица в домах и лицах

© Васькин А.А., 2015

© ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

© Художественное оформление, ЗАО «Издательство Центрполиграф», 2015

* * *

Знаем ли мы тверскую?

«Ну, Тверскую вы знаете?» – такой вопрос задал булгаковский Мастер поэту Ивану Бездомному, рассказывая ему о первой своей встрече с Маргаритой. Именно Тверскую улицу Михаил Булгаков выбрал как место для знакомства главных героев романа «Мастер и Маргарита»: «По Тверской шли тысячи людей, но я вам ручаюсь, что увидела она меня одного и поглядела не то что тревожно, а даже как будто болезненно. Я свернул в переулок и пошел по ее следам. Мы шли по кривому, скучному переулку безмолвно, я по одной стороне, а она по другой. И не было, вообразите, в переулке ни души».

Переулок ни Мастер, ни Булгаков не называют, но, видимо, это Большой Гнездниковский. Он, собственно, не слишком изменился с того момента, когда автор романа поставил в нем последнюю точку в 1940 г. И как прежде, на Тверской всегда множество людей: и самих москвичей, и гостей столицы, которые по числу своему, наверное, скоро приблизятся к жителям города.

А вот о том, какой была улица в XIX в., можно судить по фрагменту из другого романа – «Евгений Онегин». Слова Александра Пушкина по праву могут послужить эпиграфом к нашей книге, и не только потому, что жизнь самого поэта тесно связана с Тверской улицей и ее домами. Пушкину удалось вполне конкретно и лаконично составить портрет улицы, на которой в его времена можно было увидеть и лачужки, и львов на воротах и даже монастырские постройки:

...Вот уж по Тверской

Возок несется чрез ухабы.

Мелькают мимо будки, бабы,

Мальчишки, лавки, фонари,

Дворцы, сады, монастыри,

Бухарцы, сани, огороды,

Купцы, лачужки, мужики,

Бульвары, башни, казаки,

Аптеки, магазины моды,

Балконы, львы на воротах

И стаи галок на крестах.

Без малого два века прошло с того времени, но все же кое-что на Тверской осталось. Это прежде всего те самые львы у бывшего Английского клуба, затем Музея революции, а ныне Музея современной истории России. А вот Страстного монастыря уже нет, улетели навсегда и галки, потому что кресты вместе с церквями пропали. Дворцы уступили место тяжеловесным доминам в стиле так называемого сталинского ампира. И уже само строительство таких зданий подразумевало исключительную парадность улицы, поэтому и будки, и лавки с огородами постепенно исчезли с Тверской.

Зато магазинов моды здесь сегодня предостаточно, наверное, это единственная достопримечательность, которая с пушкинских времен не только не исчезла, но и с удивительной быстротой размножилась и распространилась по улице.

Не испытать нам, к сожалению, и всех прелестей езды на санях по ухабам вдоль генерал-губернаторского особняка, так как ухабы давно уже замостили и заасфальтировали, кстати, одними из первых в Москве.

А бульвар, запримеченный поэтом, остался и явился впоследствии местом, приютившим памятник Пушкину. Часто проезжая мимо, Александр Сергеевич и не думал, наверное, что вот когда-то здесь будет стоять его бронзовое изваяние, признанное потомками поэта почти что эталоном для всех последующих его изображений.

Не забудем, однако, что Тверская еще недавно была известна как улица, названная в честь другого писателя, Максима Горького. Но на волне переименований она вновь обрела свое прежнее имя. И наверное, это справедливо, так как нынешнее название улицы гораздо в большей степени соответствует ее прошлому.

Тверская улица. Начало XX в.

А прошлое это – самое древнее из всех улиц Москвы. Как и следует из названия, улица поначалу была дорогой на Тверь, именно по ней въезжали в Москву великие князья, цари, императоры и прочие высокопоставленные лица, не говоря уже о чинах поменьше. «Тверь – в Москву дверь», – говаривали в старину.

В прошлом веке, а это, по московским меркам, было совсем недавно, при строительстве подземного перехода в районе Тверской площади были раскопаны археологические древности времен Дмитрия Донского. В этой земле нашли четыре слоя древних деревянных мостовых. Первая мостовая на Тверской появилась, по предположениям археологов, в XI в. На глубине 1,5 метра обнаружился бревенчатый настил с выбоинами от колес карет и телег. Это и была первая улица, называемая лежневой дорогой. Выглядела она следующим образом: снизу находились продольные дубовые бревна, на них сосновая мостовая, а сверху толстые доски. По краю мостовой шел частокол, окружавший стоявшие вдоль улицы дома.

Тверская улица на карте Москвы середины XIX в.

Мостовая эта формировалась поначалу из небольших бревенчатых отрезков, которые каждый хозяин дома укладывал перед своим владением. Эти кусочки мостовых и слились постепенно в общее целое, образовавшее замощеную улицу.

Уже позднее, в середине XVII в., при царе Алексее Михайловиче, Тверская получила более конкретные очертания. Она простиралась уже от Воскресенских ворот Китай-города до Земляного города, и потому ее называли Большой мостовой улицей.

Тверская на ночь закрывалась воротами. Делали это специальные люди – воротники, охранявшие вход в город (о них сегодня напоминает Воротниковский переулок). Ворота на Тверскую находились в двух местах: в Белом городе и Земляном.

Для большей безопасности улицу перегораживали еще и поперек, толстыми бревнами-решетками. И если вдруг супостаты пробрались бы через ворота на

улицу, то тогда полагалось стоявшим у решеток сторожам немедля трещотками оповещать местное население и созывать всех на помощь. Решетки начали охранять Москву по царскому указу Ивана III еще в 1504 г., а просуществовали они до 1750 г.

До того, как на Тверской установили освещение, в темное время суток горожане обходились фонарями, которые они носили с собой. Но лишний раз на улицу старались не ходить. Того же, кто встречался воротникам и стражникам с фонарем, пропускали дальше только за специальную мзду. А если фонаря при путнике не было, то его могли запросто заподозрить в желании остаться незамеченным и, следовательно, совершить что-то дурное. Таких не пропускали, а задерживали и сажали в острог «предварительного заключения» до выяснения личности.

Подобные меры предосторожности предпринимались в связи с большим количеством «шальных людей», коих в Москве во все времена было в избытке. Известно, например, что еще в 1722 г. Петр I посоветовал гостям, которые приехали в Кремль 1 января, чтобы поздравить царскую семью с Новым годом, разъехаться по домам засветло «во избежание какого-либо несчастья, легко могущего произойти в темноте от разбойников».

Тверская улица. 1900-е гг.

А темнота, надо сказать, была повсеместная. Ведь во всем городе освещалось лишь Красное крыльцо перед Грановитой палатой Кремля, да и то по праздникам. Только в 1730 г. на улицах Москвы появились первые фонари, которые зажигали лишь в те вечера, когда в Кремле принимали гостей, чтобы последним было безопасно добираться восвояси. С конца XVIII в. фонари стали освещать улицу постоянно. Но поскольку с ними был связан риск пожара, то в лунные ночи и летом их не зажигали.

Главной улицей города Тверскую сделало и то, что на ней находилась резиденция московских властей, последние двести тридцать лет известная как дом генерал-губернатора. В то же время, будучи центральной улицей Москвы,

Тверская первой переживала и все нововведения. Ее первой, например, замостили круглыми бревнами в XVII в. В 1860 г. на ней установили газовые фонари перед домом генерал-губернатора, здесь же впервые в 1896 г. было проведено электрическое освещение. В 1876 г. Тверскую начали асфальтировать.

В 1820 г. по ней пустили первый дилижанс, направляющийся в Санкт-Петербург. В 1872 г. опять же впервые в Москве здесь была пущена конно-железная дорога, а в 1933 г. – первая троллейбусная линия. А ехать было куда, ибо улица не такая уж и маленькая, на ней, как на бельевой веревке, висят аж три площади – Тверская, Пушкинская и Триумфальная. Именно последняя площадь завершает улицу и дает начало ее ближайшей родственнице – Первой Тверской-Ямской, ведущей к Белорусскому вокзалу, где некогда была Тверская застава Камер-Коллежского вала. Этот вал являлся границей города в XVIII в. Вокзал сменил более чем за сто лет своего существования пять названий: в 1870 г. он был открыт как Смоленский, затем именовался Александровским, Брестским, Белорусско-Балтийским и, наконец, Белорусским. С этого вокзала и по сей день отправляются составы на Запад. Сюда же приходили и поезда с советскими солдатами-победителями в 1945 г.

Значение Тверской улицы еще более возросло в советский период. Тогда-то она и получила имя Горького, это случилось в 1932 г. Особо памятных мест, связанных с жизнью и творчеством великого пролетарского писателя, на Тверской улице не было (ну, жил он в одной из ее многочисленных гостиниц – так что из этого? В них кто только не останавливался). Но этот пустяк не являлся преградой для инициаторов переименования. Так как писатель был признан великим, то и мелочиться не следовало. Желание Сталина «умаслить» Горького, опутать его крепкими нитями всенародной славы и почета достигло своей цели. Правда, практически в это же время сам Горький обратился к вождю всех народов с предложением увековечить его светлое имя в названии государственных премий. Мол, если премии будут называться Сталинскими, то это заставит «инженеров человеческих душ» трудиться с большей сознательностью над созданием лучших образцов новой советской литературы. Но Сталин в этот раз поскромничал, и предложение Горького отклонил.

А вот именем Горького стали называть колхозы, предприятия, театры, парки культуры и даже города. В ноябре 1932 г. писатель Борис Лавренев так выразился по этому поводу: «Беда с русскими писателями: одного зовут Мих. Голодный, другого Бедный, третьего Приблудный – вот и называй города».

Улица Горького. 1934 г.

Горькому же было не очень удобно – ведь его имя появилось на картах еще при жизни, но его мнение, наверное, учитывалось в последнюю очередь. Вся беда в том, что Сталин именно его выбрал в великие пролетарские писатели (как уже позднее утвердил Маяковского в роли великого поэта нашей эпохи). Зато когда Горький тяжело заболел и захотел лечиться за границей, его почему-то из СССР не выпустили.

По улице Горького по советским праздникам двигались колонны демонстрантов, здесь встречали челюскинцев и Валерия Чкалова в 1937 г. Вот как вспоминал об этом друг Чкалова, летчик Г.П. Байдуков: «Поезд плавно подошел к перрону Белорусского вокзала. В дверях показался весело улыбающийся Чкалов, увидев забитый тысячами людей перрон, услышав восторженные овации. Нас каждого вместе со своими родными усадили в увитые гирляндами цветов открытые автомобили. Медленно выехали на улицу Горького, эту уже традиционную магистраль героев. Люди плотными шпалерами стояли от Белорусского вокзала до самого Кремля. По мере продвижения по Горьковской магистрали сильнее становилась пурга листовок (их бросали с балконов и из окон домов)».

Магистраль героев – это, пожалуй, наиболее точное определение. Журналист Ефим Зозуля писал в «Огоньке»: «1 мая 1935 г. я пролетал на самолете-гиганте «Максим Горький» очень низко над Тверской. Она была залита людьми, знаменами, цветами. Казалось, люди были неподвижны. Сплошной поток как бы застыл на месте. И в прилегающих переулках застыли черные фигурки людей. Так часто кажется с самолета. В двенадцать часов, после полета, я приехал с аэродрома на Пушкинскую площадь. Дальше нельзя было ехать. Сошел с машины и влился в густую двигающуюся, поющую, играющую, танцующую массу. Стояли люди – изумительные люди, не изученные, не описанные, не зарисованные». Мы не раз еще обратимся к московским заметкам Е. Зозули, они помогут нам воссоздать атмосферу тех лет.

В соответствии с Генеральным планом реконструкции Москвы 1934 г. узкую Тверскую предполагалось значительно расширить (с 20 до 40 метров). В ее

тогдашнем виде она не годилась под «дорогу героев и демонстраций», коей должна была стать после перестройки. Такая причина, как непригодность к всенародным шествиям, была в 1930-х гг. достаточно серьезным основанием для переустройства улицы. Несносный Лазарь Каганович снес уже к этому времени Воскресенские ворота на Красной площади и замахнулся на храм Василия Блаженного и торговые ряды ГУМа. И все по одной причине – они мешали входить и выходить с Красной площади сразу трем колоннам демонстрантов-трудящихся. Интересно, что были у Кагановича союзники и среди всемирно известных архитекторов, например Ле Корбюзье – он всячески настаивал на сносе здания Исторического музея.

Работы по «выпрямлению» некоторых участков Тверской улицы начались еще в 1923 г. под руководством архитектора А.В. Щусева. В 1930-х гг. этот процесс получил серьезное развитие. После реконструкции улицу выпрямили, проезжую часть расширили. Причем участок до Триумфальной площади сделали шире, а отрезок от Триумфальной до Белорусского вокзала остался узким.

Улица Горького. Конец 1930-х гг.

Отдельным этапом стала прокладка метрополитена, рыли его открытым способом, найдя немало интересного. Одна из первых шахт метро была на углу Тверской и Охотного ряда. Очевидец вспоминал: «В шахту спускались по узкой вертикальной лестнице. Я спускался в тридцать втором году в брезентовом костюме. В этом месте, под Тверской и под Охотным, было чумное кладбище XVI в. Человеческих костей нашли немало. Вообще, где бы ни рыли в Москве, особенно под церквями, – множество скелетов. Одни лежат, другие стоят или находятся в наклонном положении. Находили и находят стоящих вниз головой. Отчего это? Может быть, от подпочвенных сдвигов, напора вод, а может быть, тут были и счеты господ купцов, бояр и попов с неугодными и неудобными людьми».

Эпоха 1930-х гг. вообще стала поворотным моментом в градостроительстве Москвы, этот период по своему разрушительному влиянию на памятники архитектуры можно сравнить с 1812 г., когда пожар уничтожил немало

исторических зданий. А план реконструкции Тверской справедливо было бы назвать планом уничтожения или ликвидации, ибо старую Москву буквально утюжили, пытаясь сровнять с землей.

«Сейчас на Тверской стало немного темнее, – читаем мы репортаж Ефима Зозули 1938 г. – Поднялся ряд домов. Поднялся, принарядился и смотрит на стоящих против: – Ну, друзья, когда же и вы подниметесь с колен, выпрямитесь и отодвинетесь – надо же расширить улицу, мы же должны стать наконец приличной улицей!

Здание телеграфа преобразило эту часть Тверской. Оно главенствует днем и особенно вечером и ночью, всегда освещенное, с трудовым человеческим муравейником, хорошо видным из окружающих домов и улиц на большом пространстве. Оно имеет трудовой вид, это здание, и вызывает аппетит к работе.

Недалеко от телеграфа маленькая лавочка, в которой в девятнадцатом году иногда продавали молоко. Мы с товарищем по очереди спешно покупали здесь молоко, чтобы почти бегом нести его на Арбат, в пустую квартиру, где лежала в тифу Надя, домработница. «Добросердечный» хозяин, когда она заболела, переселился к товарищу и оставил ее одну в большой холодной квартире. Мы, квартиранты, занимавшие одну из комнат, чудом выходили ее, и выздоровевшая Надя долго плакала потом и произносила речи на тему о черствости и бездушии хозяев.

Тверская значительно расширяется в этой части. Сейчас снимается дом, заслонявший новую гостиницу Моссовета[1 - Речь идет о гостинице «Москва»]. Днем и ночью гудят грузовики, подъезжающие, поворачивающие и увозящие камни и доски снимаемого здания. Скоро широкая, радостная улица будет заключать Тверскую или начинать ее и вести на Красную площадь».

В прошлом веке любили писать о том, как эффектно закончилась реконструкция: новые многоэтажные здания возводились в глубине дворов, поэтому улица до поры до времени сохраняла свой обычный вид, и вот в назначенный день и час старые дома были взорваны и, когда осела кирпичная пыль, открылся широкий проспект.

Улица Горького после войны

В результате реконструкции исчезли или изменились до неузнаваемости дома, с которыми было связано немало исторических событий. Помимо того что это были памятники архитектуры, в них в разное время жили выдающиеся представители русской культуры. Снесли дома:

Дом 3 – гостиница «Франция», здесь часто останавливался Н.А. Некрасов в последней четверти позапрошлого века;

Дома 5 и 8 – здесь в 1829 и 1833 гг. соответственно жил В.Г. Белинский;

Дом 12 – в 1830–1860 гг. гостиница Шевалдышева, где в январе и ноябре 1856 г. проживал Л.Н. Толстой; здесь также проживал Ф.И. Тютчев;

Дом 15 – в этом доме жил писатель А. Погорельский; в 1835 г. у него останавливался художник К.П. Брюллов;

Дом 17 – здесь находилась квартира певца Московской частной оперы А.В. Секар-Рожанского, у которого в 1899 г. бывал композитор Н.А. Римский-Корсаков; в 1909–1913 гг. здесь жил еще один певец – артист Большого театра Л.В. Собинов; в этом же доме прошли молодые годы актрисы В.Ф. Комиссаржевской;

Дом 26 – здесь в 1846 г. скончался поэт Н.М. Языков;

Дом 34 – здесь находилась первая студия Художественного театра.

Но, слава богу, кое-что на Тверской улице еще осталось. Так отправимся же скорее на прогулку по той, старой и патриархальной Тверской улице Москвы.

Тверская ул., дом 1

«Национальная гостиница»

Здание гостиницы «Националь» было построено в 1901–1903 гг., архитектор А.И. Иванов-Шиц.

Майоликовые панно верхнего этажа изготовлены на заводе «Абрамцево». Автор современного панно в угловой части здания – И.И. Рерберг, 1932 г. Роспись плафонов залов № 6 и 7 второго этажа гостиницы – И.В. Николаев, 1974 г.

В конце XIX в. на месте гостиницы стоял дом, известный еще с допетровских времен. Принадлежал он некоему Фирсанову и славился своим трактиром «Балаклава» на первом этаже. Сюда частенько приходили купцы-охотнорядцы с близлежащего торжища, заключавшие здесь же сделки. «Балаклава» состояла из двух низких, полутемных залов, а вместо кабинетов в ней были две пещеры: правая и левая.

Захаживал в трактир завсегда и ценитель подобных заведений Владимир Гиляровский, бывавший в пещерах: «Это какие-то странные огромные ниши, напоминавшие исторические каменные мешки, каковыми, вероятно, они и были, судя по необыкновенной толщине сводов с торчащими из них железными толстыми полосами, кольцами и крючьями. Эти пещеры занимались только особо почетными гостями».

О баснословной стоимости строительства «Национальной гостиницы» (таково ее первое название) ходили легенды. Один из героев писателя Евгения Замятина поразился увиденным: «Богомоллов поехал в город, остригся, надел городское платье. Все ничего, ходил, но против гостиницы «Националь» остановился, ахнул и стал пальцем окна считать. Пересчитал, помножил в уме, сколько стекол и сколько стоит» (Е.И. Замятин. «Блокноты»).

«Национальная гостиница». 1900-е гг.

Деньги, затраченные на этот дорогуший проект, должны были вернуться сторицей сразу после открытия гостиницы, состоявшегося в 1903 г. Это стало большим событием в жизни Первопрестольной. Отныне петербургским чиновникам в старую столицу можно было ехать спокойно, не опасаясь потерять здесь время и нервы на поиски приличного жилья для временного проживания. Готовы были принять самых взыскательных постояльцев все 160 гостиничных номеров, оснащенных по первому слову бытовой техники. Все везли из-за границы – и лифты, и мебель, и люстры, и ванны, и даже ватерклозеты. Да, чуть не забыли телефонный аппарат, стоявший в каждом номере, – признак небывалой роскоши и чудо цивилизации!

Приезжая в Москву, в «Национале», как правило, селились очень большие люди – председатели Совета министров Российской империи и их заместители, генерал-губернаторы, члены царской семьи. Порой и сами состоятельные москвичи снимали номер в гостинице. В 1910 г. 3 октября в «Национале» скоропостижно скончался первый председатель Государственной думы С.А. Муромцев. Смерть наступила от паралича сердца. Странное дело – за неделю до этого Муромцев переехал сюда жить со своей московской квартиры, уступив ее приехавшим погостить родственникам. Поговаривали об отравлении Муромцева, якобы сделали это его политические противники. Но дело замяли. Похоронили его на кладбище Донского монастыря.

Вид на гостиницу со стороны часовни Александра Невского. 1900-е гг.

Но не только царские чиновники, а также и их убийцы жили в «Национале», причем нелегально. Террорист Борис Савинков вспоминал, что, приехав в Москву весной 1906 г. с целью подготовки покушения на московского генерал-губернатора Федора Дубасова (его приговорили к смерти за подавление восстания 1905 г.), члены террористической группы поселились как раз в гостинице на Тверской: «Я вернулся в Москву и встретил одобрение этому плану также со стороны всех членов организации. Мы стали готовиться к покушению. Борис Вноровский снял офицерскую форму и поселился по фальшивому паспорту в гостинице «Националь» на Тверской. В среду днем я встретился с ним в «Международном ресторане» на Тверском бульваре. Наше внимание обратили на себя двое молодых людей, прислушивавшихся к нашему разговору. Когда мы

вышли на улицу, они пошли следом за нами».

Главный вход в гостиницу. 1915 г.

Соратник Савинкова попросил подобрать ему гостиничный номер, окна которого выходили на Тверскую улицу, чтобы следить за проезжавшим по ней Дубасовым. Дубасов жил в генерал-губернаторском доме на Тверской, но выезжал редко. Трудно было установить точное время. Ездил он по-разному: то с эскортом драгун, то в коляске со своим адъютантом графом Коновницыным. Не раз и не два выходил Борис Вноровский из «Националя» с красивой коробкой конфет в руках, таящей в себе смертельную начинку – там была бомба для градоначальника. Обычно бомбометатель подстерегал Дубасова на подступах к его резиденции, но судьба никак не улыбалась террористам. Так шел день за днем.

Гостиница в 1939 г.

Наконец 23 апреля 1906 г. Вноровский, как обычно, вышел из гостиницы и пошел вверх по Тверской улице, заняв свое место напротив генерал-губернаторского дома. Когда коляска с Дубасовым поравнялась с ним, Вноровский кинул в нее бомбу: «Упав под коляску, коробка произвела оглушительный взрыв, поднявший густое облако дыму и вызвавший настолько сильное сотрясение воздуха, что в соседних домах полопались стекла и осколками своими покрыли землю. Вице-адмирал Дубасов, упавший из разбитой силой взрыва коляски на мостовую, получил неопасные для жизни повреждения, граф Коновницын был убит. Кучер Птицын, сброшенный с козел, пострадал сравнительно легко, а также были легко ранены осколками жести несколько человек, находившихся близ генерал-губернаторского дома. Злоумышленник, бросивший разрывной снаряд, был найден лежащим на мостовой, около панели, с раздробленным черепом, без признаков жизни. Впоследствии выяснилось, что это был дворянин Борис

Вноровский-Мищенко, 24 лет, вышедший в 1905 г. из числа студентов императорского московского университета» (из материалов следствия). В тот день постоялец «Националя» в свой номер не вернулся.

В «Национале» случались и события иного рода. В декабре 1908 г. в гостинице поселились приехавшие в Москву Владимир Мережковский и Зинаида Гиппиус. Известная поэтесса Серебряного века снискала заслуженную популярность читающей аудитории, среди ее поклонниц была и юная москвичка Мариэтта Шагинян, незадолго до этого, в ноябре 1908 г., написавшая очаровавшей ее поэтессе письмо, полное восторга и даже экстаза. Гиппиус пригласила Шагинян к себе в номер, и они кратко побеседовали о стихах, о любви и о погоде.

Девятнадцатилетняя Мариэтта Шагинян страдала глухотой, и это обстоятельство, как известно, сопровождало ее всю долгую жизнь (а прожила она без малого век). Но с памятью у нее было все в порядке. Она хорошо помнила ту первую встречу со своим кумиром в гостинице и в особой шкатулке хранила это письмо, написанное на особой фирменной бумаге с маркой и посланное ей в конверте «Национальной гостиницы»:

«Москва, 7 декабря 1908. В город. Мариэтте Сергеевне Шагинян. Мал. Дмитровка, Успенский, д. Феррари, кв. 5. Я сегодня уезжаю, милая Мариэтта. Я думала, что напишу вам из СПб., где, во всяком случае, у меня будет скорее свободная минутка. Конечно, я не сержусь на вас и ваше отношение ко мне не считаю смешным... я только считаю его опасным для вас. Вы так хорошо писали о фетишизме, а теперь вдруг у меня является чувство, что вы можете сделать меня фетишем. Я вам говорю это резко, потому что мне кажется – вы достойны моей откровенности. Любите мое больше меня, любите мое так, чтобы оно было для вас, или стало ваше – вот в этом правда, и на это я всегда отвечу радостью. Любить одно и то же – только это и есть настоящее сближение. Я не люблю быть «любимой», тут сейчас же встает призрак власти человеческой, а я слишком знаю ее, чтобы не научиться ее ненавидеть. Я хочу равенства, никогда не отказываюсь помочь, но хочу, чтобы и мне хотели помочь, если случится. Я хочу равенства. И боюсь за других там, где для меня уже нет соблазна. Пишите мне все, как обещали. Не сердитесь на меня за мою прямооту, а поймите ее. Правда, вы пишете стихи? И в 20 лет, и теперь, уже издаете книжку? Может быть, вы пишете очень хорошо, а все-таки, может быть, торопитесь. Какие люди разные! Я печаталась 15 лет прежде, чем меня уговорили издать мою единственную книгу стихов. И как теперь, так и в 17 лет я писала 2–3 стихотворения в год – не больше. Не было в мое время и того моря поэтов, в котором утонет ваша книжка,

как бы она хороша ни была. Впрочем, разны люди. Буду ждать вашего письма в СПб. (Литейный, 24). Я стану отвечать вам иногда длинно, иногда кратко, как сможется. Но всегда прямо, не потому, чтобы не умела иначе, а потому, что с вами иначе не хочу. Ваша З. Гиппиус».

«Националь» во время войны

Через год Шагинян бросила Москву и устремилась в Петербург, чтобы быть рядом с объектом своего поклонения. «Люблю Зину на всю жизнь, клянусь в этом своею кровью, которою пишу», – переживала Шагинян в феврале 1910 г. Но любовь, как известно, слепа, и потому постепенно Мариэтта пришла к противоположному выводу: «Какая же я была дура, что не понимала эту старую зазнавшуюся декадентку, выдающую себя за «самую простоту!».

После 1917 г. пути двух поэтесс не могли не разойтись: Гиппиус эмигрировала, а Шагинян стала известной пролетарской писательницей, классиком советской литературы и даже Героем Социалистического Труда. Но ту памятную встречу в «Национале» запомнила она на всю жизнь.

В 1918 г. в связи с переездом большевистского правительства из Петрограда, а с ним и большого числа партийной номенклатуры, лучшая московская гостиница была отдана под 1-й Дом Советов. Жилищная проблема остро стояла в Москве во все времена, а тогда тем более. Сразу найти столько хороших квартир для ленинских наркомов представлялось весьма проблематичным. Они ведь не простые смертные – в коммуналках со всем народом жить не могут, а потому их временно поселили в «Национале». Сам Ильич вместе с Крупской занял люкс на третьем этаже.

Лишь в конце 1932 г. зданию вернули его первоначальное предназначение. Это была одна из немногих московских гостиниц, сохранивших свои комфортные условия проживания и в годы развитого (и не очень) социализма. Именно в «Национале» стремились поселиться приезжавшие в Москву иностранные туристы, уже имевшие ранее возможность насладиться небогатым «сервисом» новых советских гостиниц. Выбирая между «Москвой» и «Националем», они, не

скрывая, отдавали предпочтение последнему. В этом негласном соревновании, развернувшемся между двумя гостиницами, стоявшими друг напротив друга, огромная серая «Москва», выстроенная как образец передовой социалистической гостиницы, проигрывала нарядному четырехэтажному «Националю» в стиле модерн.

Андрей Белый в книге «Москва под ударом» писал: «И стремительно прочь от профессора ноги несли самодергом японца – в «Отель-Националь», чтоб пасть замертво: в сон. Вот мораль: не ходите осматривать с крупным ученым достопримечательностей городских; Москва – древний, весьма замечательный город».

9 мая 1945 г.

Полюбили «Националь» классики мировой литературы – Анатолий Франс, Джон Рид, Герберт Уэллс, Анри Барбюс и другие. Культовым местом стал и ресторан отеля, где всякий раз можно было встретить представителей московской богемы – актеров, художников, писателей, пропивавших очередной гонорар в окружении всегда голодных коллег.

В частности, завсегда в ресторане был поэт Михаил Светлов, живший в писательском доме напротив, в Камергерском переулке. Чтобы пообедать в «Национале», ему достаточно было перейти улицу, тем более что автомобильное движение (мы это видим на старых снимках) было не такое интенсивное.

Приятельница поэта Ю. Язвина вспоминала: «В мае 1932 года я приехала в Москву на майские торжества. Тогда в Москве я прожила девять волшебных дней. М. Светлов и поэт М. Голодный водили меня по всей Москве, по театрам, музеям, ресторанам. Знакомили с ночными красотками Москвы. Для провинциальной девочки это море впечатлений было настолько велико, что я потеряла счет дням. Вместо трех дней, на которые была отпущена, пробыла девять. Помню наш поход в ресторан «Националя». В то время посетителями ресторана были в основном иностранцы, которые расплачивались валютой. Швейцар в ливрее, украшенной галунами, весьма презрительно осмотрев нас,

отказался пропустить в зал, так как М. Голодный был в косоворотке. Этот отказ вызвал возмущение обоих Мишей, и они учинили там просто скандал, говоря, что «вот, мол, нас, советских поэтов, не пускают в наш ресторан, в то время как там упиваются нашей водкой иностранцы». Скандал не возымел действия, и мы вынуждены были уйти».

Светлов особенно ценил пироги и торты, которые пекли повара ресторана «Националя». Он заказывал их для своих друзей и сам разносил по адресам, подобно Деду Морозу. Таким он и появился на пороге квартиры Язвиной в 1943 г. с огромным тортом в руках – яблочным паем. «Принимай этот пай, – сказал мне Миша. – Он испечен по заказу в ресторане «Националя», куда нас с тобой не пропустили в 1932 г.».

После войны Светлов водил сюда своих студенток из Литинститута, одна из них, Ирина Ракша, пишет: «И вот уже сидим, как оказалось, в его любимом кафе гостиницы «Интурист», вернее даже, в европейском ресторане «Националя». Совершенно закрытом, куда с улицы, конечно, никого не пускают. Посетители – лишь иностранцы, всякие интуристы заморские, а если наши – то совсем уж блатные, номенклатура. Но поэту Светлову в Москве двери всех ресторанов открыты. И все швейцары на улице Горького – пузатые и дородные, в «генеральских» кокардах и униформах (прямо «хозяева жизни») – сгибаются в три погибели, лебезят перед ним – сухоньким еврейским старичком – и щедрым на руку завсегдатаем».

Светлов любил сидеть в «Национале» за своим столиком, который всегда оставляли для него свободным знакомые официантки; стол стоял слева от входа у второго окна.

Они уже заранее знали, что принести – хрустальный графин с коньяком, граммов на двести. Поэт, еще не пригубив рюмку, начинал повествование о тех, с кем он когда-то сидел за одним столом, о своих встречах с Валентином Катаевым, Михаилом Зощенко, Андреем Платоновым, Борисом Пастернаком, Виктором Шкловским и Владимиром Маяковским. Светлов называл эти застолья в «Национале» мальчишниками.

Переводчица «Карлсона» Лилиана Лунгина также сталкивалась здесь со Светловым и его вечным собутыльником Юрием Олешей: «Иногда по воскресеньям, если удавалось немного разбогатеть, мы отправлялись с близкими друзьями в «Националь». Легендарное место, где, когда ни придешь,

за столиком сидели Юрий Карлович Олеша и Михаил Аркадьевич Светлов. Они были людьми замечательного остроумия, их шутки и афоризмы передавались из уст в уста».

Лучшую характеристику дал Олеше сам Светлов. Как-то увидев его в «Национале», он сказал: «Юра – это пять пальцев, которые никогда не сожмутся в один кулак». Нелегко поверить, но коллеги по перу рассказывали, что официантки не брали денег с Юрия Олеша, зная его бедственное положение (о себе он говорил: «Старик и море... долгов»). А когда после смерти кто-то из его друзей попытался отдать долг, его осадил: «Не надо! Разве мы не знаем, кто такой Олеша?».

Да и как можно было брать деньги с такого человека, который мог сказать официантке из «Националя»: «У вас волосы цвета осенних листьев» или «На моих часах время остановилось, с тем чтобы полюбоваться вами». Олеша часто повторял: «Я – акын из «Националя». А на вопрос: «Что вы больше всего любите писать?» – отвечал: «Сумму прописью».

А вот Михаил Светлов действительно оплачивал ресторанные счета своих знакомых, и не только Олеша. Писатель Юз Алешковский привел в «Националь» компанию в пять человек. Когда пришло время рассчитываться, выяснилось, что денег нет ни у кого. Как это иногда случается, каждый из пришедших надеялся, что заплатит сосед.

В поисках знакомых Алешковский оглядел зал. И о чудо! За одним из столиков сидел Светлов: «Михаил Аркадьевич! Не одолжите ли вы нам до завтра 219 рублей, нам до счета не хватает». Светлов спросил: «219 не хватает? А какой же у вас счет?». Юз ответил: «219 рублей». Светлов сказал: «Босяки!», но денег дал, к счастью, они у него на этот раз были», – с благодарностью вспоминала одна из участниц того вечера в ресторане.

Еще один завсегдатай ресторана «Националя» – композитор Никита Богословский. Он полюбил эту гостиницу еще до своего переезда в Москву, где жил в одном доме с композитором Сергеем Прокофьевым в Камергерском переулке. Как писал остроумный композитор, «в молодые годы я был абсолютным пижоном. Шиковал. Если заказывал номер в гостинице, то не ниже трехкомнатного люкса. Когда я жил еще в Ленинграде и приезжал в Москву на съемки, то останавливался в гостинице «Националь».

В «Национале» Богословский обычно завтракал, а обедал в «Метрополе», для чего вызывал интуристовскую машину «Линкольн». Таковы были заработки популярного песенника, автора таких хитов, как «Спят курганы темные» и «Шаланды, полные кефали».

Как рассказывал Богословский: «Однажды в ресторане я впервые увидел Фаину Раневскую. Она сидела с каким-то господином и смотрела в мою сторону, а потом указала на меня пальцем и рассмеялась. Я тогда был сильно озадачен. И когда через несколько лет благодаря съемкам познакомился с ней лично, напомнил ей этот эпизод. Оказалось, на вопрос своего спутника: «Что вы будете на десерт?» – она ответила: «Вон того мальчика».

Как-то в ресторане «Националя» Богословский сидел вместе со Светловым, а за соседним столиком оказался сверхпопулярный тогда певец и актер Марк Бернес. Богословский, ранее рассказавший Светлову, что Бернес любит его стихи, сказал: «Смотрите, Миша, какое совпадение. Бернес сидит за соседним столиком». «Это вон тот крашеный блондин?» – спросил Светлов и подошел к Бернесу, который уже готовился дать поэту свой автограф. Но Светлов опередил его, пока Бернес нехотя вынимал из припасенной на всякий случай пачки одну из своих фотографий, поэт огорошил его: «Нет, вы меня не поняли. Это я хочу вам дать автограф!» И буквально всучил ему свою книгу, которую, как выяснилось, он носил с собой специально для такого случая.

«Националь» в 1947 г.

«Националь» в период хрущевской «оттепели»

А бывало и так. Утром часов в девять Никите Богословскому звонил Александр Вертинский, живший на улице Горького, и предлагал: «Что делаешь? Пошли прогуляемся?» «Пошли», – отвечал Богословский.

Встречались они в «Национале», завтракали. Затем шли выпить кофе с коньячком в «Коктейль-холл», что в доме 6 по улице Горького. Оттуда – обедать в «Метрополь». Заканчивалась прогулка за ужином в Доме актера. Вот такой любопытный маршрут. Можно себе представить, до какой кондиции доходили его участники к моменту возвращения домой.

Ну а о сегодняшнем значении «Националя» для Москвы и говорить не приходится.

Тверская ул., дом 5

Долгоруковы, Румянцевы и Мейерхольд

Высокий статус Тверской улицы, престижность проживания в ее пределах определили и родословную этого дома. Когда-то, еще при Петре Великом, владение принадлежало князьям Долгоруковым, происхождение которых отличалось куда большей знатностью, чем императорский дом Романовых. Один из самых известных представителей рода – князь Юрий Долгорукий, по преданию основавший Москву в 1147 г. А где тогда находились Романовы? Вот именно, нигде. Да такой княжеской фамилии еще и в помине не было.

До своей смерти в 1723 г. дворцом на Тверской владел известный деятель Петровской эпохи, сенатор и российский посол в Польше Григорий Федорович Долгоруков. Интересы своей страны он защищал так усердно, что поляков буквально трясло при одном лишь упоминании его фамилии, ибо «князь Григорий Федорович, муж ума обширного, ума тонкого и острого, души самой возвышенной, был одним из замечательнейших русских дипломатов», как оценивали его потомки.

Чуть менее удачливым оказался сын князя – Алексей Григорьевич, унаследовавший дворец своего отца. Это был тот самый Долгоруков, что сумел добиться огромного влияния на малолетнего Петра II. Юный император назначил своего бывшего воспитателя членом Верховного тайного совета. Алексей Григорьевич интриговал против Меншикова, добившись ссылки того в ставший впоследствии знаменитым город Березов Тобольской губернии.

Сын Алексея Григорьевича Иван беспрестанно проводил время с императором, спаивая и развращая несчастного юношу. Таких в царском окружении было немало. Долгорукову удалось и вовсе невозможное – он обручил с малолетним царем свою великовозрастную дочь Екатерину (будущая императрица на три года была старше своего четырнадцатилетнего суженого). Все шло отлично, можно себе представить, какую силу заимел бы Алексей Григорьевич, став царским тестем. Да и не он один – его братья Сергей и Иван также рассчитывали на свой кусок пирога. Как коршуны накинулись бы на Россию.

Но незадолго до свадьбы случилось непоправимое – Петр II смертельно занедужил, скончавшись 19 января 1730 г. Алексей Григорьевич успел составить завещание в пользу своей дочери, чтобы подсунуть его умирающему императору. Но у постели больного было в тот момент немало и других, желавших высшей власти. Завещание так и осталось неподписанным.

Воцарившаяся на троне Анна Иоанновна, разорвав кондиции, не забыла о Долгоруковых. Алексея Григорьевича сослали с семьей в тот же Березов, где князь и умер. Ему не довелось узнать об ужасной участи сына Ивана и двоих своих братьев. В 1739 г. их обвинили в измене и казнили.

А конфискованная усадьба на Тверской улице с 1745 г. принадлежала уже другому обласканному властью вельможе – графу Александру Ивановичу Румянцеву, дипломату и военачальнику (в России эти две профессии, как видим, часто совмещались). Он сыграл большую роль в возвращении на родину царевича Алексея в 1718 г., был членом Верховного суда, позже приговорившего его к смертной казни. Петр I, отметив заслуги Румянцева, наградил его тогда чином генерал-адъютанта и деревеньками. Политическая карьера Румянцева была полна зигзагов. Например, при Анне Иоанновне он стал жертвой приснопамятной бироновщины: «Человек петровского закала, любивший все русское, чуждый роскоши и изнеженности, деятельный, преданный отечеству, каким был Румянцев, не мог соответствовать порядкам, водворявшимся при дворе, где господствовал герцог Бирон и прочие немцы, и потому весьма естественно, что он имел скоро столкновение с братом всесильного временщика, навлекшее на него печальные последствия и по другому совсем делу. Императрица возымела намерение предложить Румянцеву место президента Камер-коллегии. Румянцев отказался, сказав, что, с ранних лет будучи солдатом, ничего не смыслит в финансах, не умеет выдумывать средств для удовлетворения роскоши и т. д. и, конечно, высказал при этом сгоряча много неприятного для императрицы о новых порядках при дворе, вследствие чего она

приказала ему удалиться и затем отдала приказание его арестовать и предать суду Сената, который 19 мая 1731 года приговорил его к смертной казни. Царица из милости сохранила ему жизнь, заменила казнь ссылкой в пределы Казанской губернии, лишив чинов и ордена Св. Александра Невского и отобрав пожалованные ему ранее 20 000 руб. Румянцев со всем семейством своим был отправлен в село Чеборчино, Алатырской провинции, где и прожил более трех лет под строгим присмотром капитана Шипова, который, по данной ему инструкции, должен был неотлучно при нем находиться, никого к нему не допускать, читать все получаемые им письма и списывая с них копии, присылать в Петербург, вести дневные записки о всем происходящем в доме Румянцева, следить за его расходами, даже за мелочными и по хозяйству, которые последний не мог производить без разрешения Шипова. Не получая ничего от казны, Румянцев существовал на средства, имевшиеся у него и у его супруги, которая для насущных потребностей продавала свое имущество. В таком уединении Румянцев прожил более трех лет и только в конце июля 1735 года, вероятно, по ходатайствам родственников и близких графини Матвеевой, состоялся указ 28 июля о том, что Александр Румянцев пожалован был в астраханские губернаторы, на место престарелого Ивана Измайлова, причем Румянцев жалуется прежним чином генерал-лейтенанта и кавалером ордена Св. Александра Невского. Румянцев едва успел послать 20 августа благодарственное письмо Анне Иоанновне, как состоявшимся тем временем новым указом 12 августа был назначен правителем Казанской губернии и главным командиром войск, определенных к прекращению башкирских замешаний», – читаем в словаре Половцова. В 1738–1740 гг. Румянцев управлял Малороссией, затем отправился чрезвычайным и полномочным послом в Константинополь. Елизавета Петровна в 1744 г. возвела Румянцева в графское достоинство и даже предполагала назначить его государственным канцлером, но передумала. В памяти потомков Александр Румянцев остался «бескорыстным и самоотверженным исполнителем приказаний и предначертаний свыше, которые вел не щадя своих сил и всегда горячо отстаивая интересы отечества; он не уклонялся от возлагаемых на него дел и всегда оказывался верным и точным исполнителем», в то же время «он обладал большим умом, был тонкий человек, с большою придворною и дипломатическою ловкостью. Он был приятный собеседник, очень любезен и предупредителен, имел удивительную память, доставлявшую его разговору большую занимательность. Он обладал добрым сердцем – и это уменьшало число его врагов и обезоруживало его соперников».

А. Румянцев. Художник В. Боровиковский

А еще Румянцев оставил на свете трех дочерей и сына Петра, ему-то и перешел дворец на Тверской улице в 1768 г. Но это было не самое главное приобретение Петра Александровича Румянцева. На Тверской он бывал нечасто, причиной тому – его легендарная биография.

Граф Петр Александрович Румянцев-Задунайский – полководец, дипломат, почетный член Академии наук, генерал-фельдмаршал с 1770 г. Нынешние украинские историки Румянцева-Задунайского особенно не жалуют, в своих учебниках клеймят его как ярого крепостника, душителя «свободолюбивой украинской самостийности». Такая оценка ученых соседнего государства делает фигуру полководца еще более привлекательной для рассмотрения.

Как свидетельствуют исторические источники, Петр Румянцев «с детства отличался пылким темпераментом, живым воображением и быстрым умом». Он получил домашнее образование и первый военный опыт под руководством своего отца. В 1731 г. шестилетнего Петю по обычаям того времени записали в гвардию, в 1740 г. произвели в офицеры. Во время Русско-шведской войны 1741–1743 гг. он находился в действующей армии. Молодой капитан Петр Румянцев доставил императрице Елизавете в Петербург мирный договор со Швецией, подписанный при непосредственном участии его отца, и был повышен в звании сразу через три чина. За мирный договор отец получил графское достоинство «со всем нисходящим потомством», начиная с сына. Составленный отцом графский герб имел девиз: «Не только оружием». А новоиспеченный молодой граф Петр Румянцев в 1744 г. в чине полковника был назначен командиром Воронежского пехотного полка. Было ему тогда восемнадцать лет.

П. Румянцев-Задунайский. Художник Д. Левицкий

Румянцев отличился и во время Семилетней войны 1756–1763 гг. Став генерал-поручиком в 1758 г., Петр Александрович получил под свое начальство дивизию,

с которой он доблестно воевал в сражении под Кунерсдорфом в августе 1759 г. По плану дивизия Румянцева заняла оборону в центре, на высоте Большой Шпиц. Прусские войска, опрокинув левый фланг русских, атаковали Большой Шпиц, но были отброшены. Тогда Фридрих II ввел в бой свою лучшую конницу. Русские отбили и этот штурм. А затем полки Румянцева нанесли контрудар штыковой атакой, опрокинули прусскую пехоту, заставив ее бежать с поля боя. За Кунерсдорф Румянцев был удостоен одной из высочайших наград России – ордена Святого Александра Невского. Но помимо орденов и званий для военного нет лучшей характеристики, чем та, что дается противником. Неудачнику Кунерсдорфа – прусскому королю Фридриху II приписывают слова: «Бойтесь собаки Румянцева. Все прочие русские военачальники не опасны».

В 1761 г. Румянцев успешно руководил осадой и взятием крепости Кольберг, за что был произведен в генерал-аншефы. Корпус Румянцева во взаимодействии с эскадрой Балтийского флота блокировал Кольберг на побережье Балтийского моря. Подступы к крепости прикрывал укрепленный лагерь, где находился 12-тысячный отряд принца Вюртембергского. В августе 1761 г. Румянцев атаковал лагерь и взял его, а в начале сентября осадил Кольберг. Невзирая на рекомендации главнокомандующего А. Бутурлина снять осаду и отойти на зимние квартиры, Румянцев своими настойчивыми действиями уже в декабре заставил гарнизон крепости капитулировать. В ходе осады Кольберга впервые в истории русского военного искусства были использованы элементы тактической системы «колонна – рассыпной строй». Прибавилось и число наград полководца – новый император Петр III, сменивший на троне скончавшуюся Елизавету, наградил Румянцева орденом Святой Анны 1-й степени.

После вступления на престол следующей государыни, Екатерины II, Петр Александрович не принял присягу, пока не удостоверился в смерти Петра III. Екатерина с недовольством отнеслась к поступку генерала, вызвала его к себе, долго беседовала. Румянцев объяснял свое поведение тем, что не может присягать новой государыне при живом императоре.

Екатерина II, получив все атрибуты царской власти, активно занялась «усилением властной вертикали». Одним из направлений ее кипучей деятельности стала Малороссия – нынешняя Украина, где необходимо было отменить гетманство и ввести генерал-губернаторство. Таким образом ликвидировалось более независимое положение Малороссии по сравнению с другими российскими землями. Ни о каком «разграничении полномочий» больше не могло быть и речи. Необходимость активизации внутренней российской

политики на Украине (а не в Украине!) Екатерина II обосновывала и экономическими причинами: «От этой плодородной и многолюдной страны Россия не только не имеет доходов, но вынуждена посылать туда ежегодно по 48 000 рублей».

Но кто бы мог возглавить столь трудное дело? Императрица вспомнила о Румянцеве, и вполне обоснованно, недаром на его гербе красовалась надпись «Не только оружием». К тому же его отец уже управлял этой провинцией в свое время. Петр Румянцев зарекомендовал себя не только талантливым полководцем, но и умелым организатором. В 1764 г. он был назначен президентом Малороссийской коллегии и генерал-губернатором Малороссии и в этой должности состоял до конца своей жизни.

Являясь главнокомандующим всеми военными силами Малороссии (главным командиром малороссийских казацких полков, запорожских казаков и Украинской дивизии), Румянцев внес большой вклад в укрепление обороны южных границ России, комплектование и обучение войск, строительство военной флотилии на Азовском море. При нем на Украине было оформлено законом установление крепостного права (1783 г.). Вот за это и не любят сегодня Румянцева на Украине. Ибо он, являясь одним из крупнейших помещиков своего времени, «проводил имперскую политику упорядочения управления и ликвидации автономии», руководил проведением так называемой Румянцевской описи Малороссии.

Но в истории России Румянцев занимает достойное место. Одержав безоговорочные победы в Русско-турецкой войне 1768-1774 гг., он наиболее ярко и полно проявил свой блестящий талант полководца. Наградами за победы стало производство Румянцева в генерал-фельдмаршалы и награждение орденом Святого Георгия высшей, 1-й степени. Не считая Екатерины II, возложившей на себя этот орден в качестве учредительницы, он стал первым кавалером высшей степени военного ордена Российской империи. Неутомимый Фридрих II писал тогда Румянцеву: «Полная победа, которую одержали вы над турецкой армией, приносит вам тем более славы, что успех ее был плодом вашего мужества, благоразумия и деятельности».

Саму эту войну зачастую называют «румянцевской», поскольку главные победы русских войск в ней связаны с его именем. Особо громкую славу Румянцеву принесло сражение у реки Кагул в июле 1770 г., в котором была одержана одна из самых крупных побед русской армии в XVIII в. В этом сражении русским

войскам (38 тысяч человек) противостояла турецкая армия великого визиря Халиль-паши (150 тысяч человек). Успех был достигнут благодаря группировке сил на направлении главного удара, применению расчлененных боевых порядков, искусному маневру огнем и войсками. В критический момент, когда русские дрогнули перед неожиданной контратакой турецких янычар, Румянцев со словами «Теперь дело дошло и до нас» бросился в гущу отступавших солдат и скомандовал: «Стой, ребята!» Его появление и призыв в один момент изменили обстановку, и русские, восстановив порядок, устояли, отбили натиск противника и пошли вперед, к победе. Вскоре его армия очистила от неприятеля левый берег нижнего течения Дуная. А в 1771 г. был отвоеван и правый берег реки.

Успешно проведя военную кампанию 1774 г., заблокировав главные силы турок, Румянцев вынудил Турцию заключить Кючук-Кайнарджийский мир на выгодных для России условиях. Именно на празднование этого мира и приехала в Москву императрица в 1775 г., остановившись в Пречистенском дворце. Основные торжества были устроены на Ходынском поле.

Екатерина II пожелала, чтобы по примеру римских полководцев Румянцев въехал в Москву через Триумфальные ворота на Тверской улице, но Румянцев из скромности отказался от этой почести. В этом же году генерал-фельдмаршал Румянцев был осыпан наградами. В специальном указе Сената говорилось:

«Господину генерал-фельдмаршалу Румянцеву жалуется:

похвальная грамота... с прибавлением к его названию проименования
Задунайского;

за разумное полководство – алмазами украшенный повелительный жезл;

за храбрые предприятия – шпага, алмазами обложенная;

за победы – лавровый венец;

за заключение мира – масляная ветвь;

в знак монаршего на то благоволения – крест и звезда ордена Святого апостола
Андрея Первозванного, осыпанные алмазами» и прочее...

А еще императрица велела в честь фельдмаршала выбить специальную медаль на Санкт-Петербургском монетном дворе. Вряд ли в России в то время нашелся бы другой военачальник, чьи заслуги были бы признаны так щедро и достойно.

Вскоре триумфатор Румянцев был назначен командующим кавалерией русской армии. Но, как это часто у нас бывает, «недолго музыка играла». Фортуна в лице императорского благоволения изменила свое расположение к фельдмаршалу. Как известно, императрица не всегда руководствовалась при принятии кадровых решений исключительно интересами государства. Были у Екатерины II и другие стимулы...

Когда началась следующая Русско-турецкая война, 1787–1791 гг., Румянцев был назначен командующим второстепенной армией, в то время как командование главной ударной силой русских войск было поручено фавориту императрицы Г.А. Потемкину. Это воспринималось современниками как незаслуженное понижение. Тяготясь зависимым от светлейшего князя Таврического положением, Румянцев вскоре передал ему свою армию.

В 1794 г. Екатерина II вновь оказала Румянцеву высокое доверие – вверила ему главное начальство над войсками, собираемыми для похода в Польшу для подавления восстания Костюшко. Старый фельдмаршал много сделал для подготовки похода и его материального обеспечения, но лавры победителя поляков он уступил А.В. Суворову, руководившему военными действиями (Александр Васильевич был на пять лет младше Румянцева).

В декабре 1796 г., через месяц после кончины императрицы, ушел из жизни и фельдмаршал Румянцев-Задунайский, столько сил положивший для расширения границ России и укрепления государства согласно планам Екатерины II. Успел воздать должное фельдмаршалу новый государь Павел I, объявивший в русской армии трехдневный траур «в память великих заслуг фельдмаршала Румянцева Отечеству».

Петр Александрович Румянцев был женат на Екатерине Михайловне Голицыной. Из его сыновей в Москве хорошо известен Николай Петрович Румянцев. Канцлер, председатель Государственного совета, коллекционер, граф Н.П. Румянцев завещал свое собрание государству, благодаря чему и открылся в Москве в 1862 г. в доме Пашкова на Моховой знаменитый Румянцевский музей, а затем и публичная Румянцевская библиотека.

Деятельность Петра Румянцева как военачальника в существенной мере обусловила развитие русского военного искусства Екатерининской эпохи, идеи полководца были использованы при выработке уставов и реорганизации русской армии. Наверное, из полководцев один лишь Суворов может соперничать с Румянцевым по степени военного таланта и пользе, принесенной России в XVIII в. В Москве есть памятник и площадь в честь Суворова. Справедливым было бы увековечение и памяти Румянцева в столице, поэтому не зря в этой книге так подробно о нем рассказывается.

С 1756 г. хозяином дворца на Тверской стал генерал-аншеф Иван Иванович Костюрин, комендант Петропавловской крепости в 1756–1764 гг.

С 1793 г. усадьба переходит в собственность графа Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, крупнейшего российского библиофила и собирателя древностей. У него было немало званий и наград: президент Академии художеств, обер-прокурор Святейшего синода, действительный тайный советник и т. д. Но известность ему принесло «Слово о полку Игореве».

Как рассказывал сам Мусин-Пушкин, рукопись «Слова о полку Игореве» попала к нему из рук бывшего архимандрита Спасо-Преображенского монастыря в Ярославле в конце 1780-х гг. Правда, уже в наше время появились предположения, что Мусин-Пушкин, будучи обер-прокурором Синода с 1791 г. и пользуясь служебным положением, банально присвоил себе ценную рукопись, хранившуюся в Кирилло-Белозерском монастыре.

В России впервые «Слово» было издано в 1800 г., в примечании говорилось: «Подлинная рукопись, по своему почерку весьма древняя, принадлежит издателю сего (гр. Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину), который, чрез старания и просьбы к знающим достаточно российский язык, доводил чрез несколько лет приложенный перевод до желанной ясности, и ныне по убеждению приятелей решился издать оный на свет». С этого времени имя графа стало широко известно и за рубежом.

«Слово» являлось одной из жемчужин собрания Мусина-Пушкина. А кроме того, были там и Никоновская летопись, и Лаврентьевская летопись, и документы эпохи Ивана Грозного, и собственноручные записки Петра I, и еще немало ценнейших памятников и исторических источников различных эпох.

А. Мусин-Пушкин. Неизвестный художник

Вполне вероятно, что часть собрания (а граф коллекционировал еще и живопись) хранилась не только в доме на Тверской, но и во дворце Мусиных-Пушкиных на Разгуляе. Его не раз уговаривали пожертвовать свое книжное и рукописное собрание Архиву Коллегии иностранных дел. Но Мусин-Пушкин раздумывал.

Пока он думал да гадал, в 1812 г. началась Отечественная война. Незадолго перед сдачей Москвы граф успел вывезти в свои загородные имения предметы искусства, а вот рукописи почему-то оставил. Быть может, для эвакуации коллекции ему не хватило подвод и лошадей – это была одна из главных проблем в августе 1812 г.

Грандиозный пожар Москвы уничтожил все, что такими усилиями собирал граф. Сгорели и московские дома Мусиных-Пушкиных. В огне пропало и «Слово». Лишь по изданию 1800 г. мы можем теперь судить о его содержании. И в этом заслуга Алексея Ивановича Мусина-Пушкина, тяжело переживавшего потерю своего древлехранилища. Ему было суждено прожить еще пять лет, в течение которых он пытался восстановить собрание по крупицам. Но сил и возможностей уже не было. В 1817 г. он скончался.

Еще до Отечественной войны граф обратился к архитектору Матвею Казакову с просьбой о перестройке здания – оно было значительно увеличено в масштабах, почти в два раза. До неузнаваемости преобразился и фасад. Дом пришлось заново восстанавливать после пожара.

Вдова графа Екатерина Алексеевна Мусина-Пушкина слыла человеком деловым и расчетливым, дом на Тверской она распорядилась сдать в аренду. На этом тему «Исторические личности и дом 5 на Тверской» можно было бы и завершить. Но не кончается биография дома. Известно, что в 1835 г. в этом здании были меблированные комнаты некогда богатого откупщика Михаила Тимофеевича Гонцова.

В течение второй половины XIX в. малоизвестные, но богатые фамилии постепенно вытеснили с Тверской бывшую знать. Музыку на главной улице Первопрестольной стали заказывать купцы. Начинали они свою предпринимательскую карьеру, как правило, с торговли в лавках на московских базарах. Природная смекалка и деловитость постепенно выдвигали из торговой среды лучших. И вот, глядишь, через каких-то лет десять бывший лавочник уже не кто иной, а владелец фирмы, «поставщик двора его императорского величества» и ставит на свою продукцию государственный герб. Он неременный гость на балах у московского генерал-губернатора, всеми уважаемый меценат и благотворитель. Знакомством с ним дорожат высшие чиновники да министры.

Таковы были и московские купцы Постниковы, владельцы крупнейших ювелирных фабрик Москвы второй половины XIX в. Их драгоценную продукцию, золотые, серебряные и бронзовые изделия высоко ценили не только члены царской семьи, но и английские короли. Так где же им продавать свою продукцию, как не на Тверской улице? Вот и прикупили они бывший княжеско-графский особняк, чтобы превратить его в магазин.

Можно себе представить выражение лиц Долгоруковых и Румянцевых, узнавших бы о том, что в их покоях, овеянных славой легендарных побед и сражений, будет вестись отныне бойкая торговля. Но то, что казалось святотатством в веке XVIII, стало нормальным в период бурного развития капитализма в России.

Так в 1887 г. во всей красе предстал на Тверской улице Постниковский пассаж. В модном тогда слове «пассаж» скрывалось и новое наполнение здания – оно превратилось в крытую галерею с магазинами и несколькими выходами на улицу, в общем, как в Париже. В Москве были известны Петровский пассаж, пассажи Солодовникова и Попова.

Владелицей пассажа на Тверской была купчиха первой гильдии Лидия Аркадьевна Постникова, заказавшая полную перестройку здания архитектору С.С. Эйбушитцу и инженеру В.Г. Шухову. Они надстроили здание, которое подразумевалось использовать еще и под гостиницу и конторы. Это был типичный торговый комплекс той поры. Само же здание стало одним из первых полностью электрифицированным в Москве. Вторично пассаж пережил перестройку в 1910–1913 гг. по проекту архитектора И.П. Злобина. Фасад дома украсился четырьмя атлантами, а крыша – изящным металлическим куполом.

Постниковский пассаж. 1900-е гг.

Христос выгнал торгующих из храма. Аналогичный процесс произошел после 1917 г. и в Постниковском пассаже. Вместо магазинов здесь возник храм театрального искусства. Каких только театров здесь не было. Театр обозрений, Театр миниатюр, наконец, знаменитый театр Всеволода Мейерхольда, созданный им в 1920 г. и открывшийся сначала в доме 20 на Большой Садовой улице.

Роль Мейерхольда как реформатора мирового театра огромна и не менее важна, чем «метод Станиславского». А быть может, даже и больше последнего, особенно с высоты сегодняшнего дня. Спектакли Мейерхольда легендарны, это и «Баня», и «Клоп», и «Горе уму», и «Ревизор», и «Лес», и многие другие. В доме на Тверской увидела свет и одна из последних премьер театра, поставленная по рассказам Чехова.

Мейерхольд умел не только ставить спектакли, но и возвращать таланты. Из-под его крыла вышли Игорь Ильинский, Михаил Жаров, Эраст Гарин, Сергей Мартинсон, Валентин Плучек, Михаил Царев, Евгений Самойлов.

Искусство режиссера не укладывалось в рамки соцреализма, получив обидный ярлык «мейерхольдовщина». Его критиковали в советских газетах за безыдейность, «антиобщественную атмосферу, подхалимство, зажим самокритики, самовлюбленность». Писали о том, что театр «окончательно скатился на чуждые советскому искусству позиции и стал чужим для советского зрителя», что «в угоду левацкому трюкачеству и формалистическим вывертам даже классические произведения русской драматургии давались в театре в искаженном, антихудожественном виде». А современные пьесы в постановке Мейерхольда создавали «извращенное, клеветническое представление о советской действительности, пропитанное двусмысленностью или даже прямым антисоветским злопыхательством». Оказывается, что «к 20-летию Октябрьской революции Театр им. Мейерхольда не только не подготовил ни одной постановки, но сделал политически враждебную попытку поставить пьесу Габриловича («Одна жизнь»), антисоветски извращающую известное художественное произведение Н. Островского «Как закалялась сталь».

И вот при такой «критике» мастер надеялся получить для своего театра новое здание, которое строилось на Триумфальной площади. Собственно, по этой причине труппа и переехала с Большой Садовой на Тверскую в 1936 г. Сам режиссер жил неподалеку – в Брюсовом переулке, его часто можно было увидеть идущим домой по улице Горького.

А 7 января 1938 г. приказом Комитета по делам искусств при Совнарком СССР «О ликвидации Театра им. Вс. Мейерхольда» театр был закрыт. Прощальным спектаклем стал «Ревизор», показанный в помещении на Тверской 8 января 1938 г.

Тучи над режиссером сгущались. Он поставил столько спектаклей, а конец своей собственной жизни так и не смог предугадать. Арестовали Мейерхольда 20 июня 1939 г. в Ленинграде сразу после выступления на Всесоюзной конференции режиссеров.

А в июле 1939 г. у себя на квартире в Брюсовом переулке была убита актриса театра и супруга Мейерхольда Зинаида Николаевна Райх (она же бывшая жена Сергея Есенина). Убийство случилось через три недели после ареста режиссера.

В. Мейерхольд в тюрьме. 1939 г.

Убийство Райх вызвало в обществе немалый резонанс, вызванный прежде всего отсутствием информации об истинных причинах трагедии и ее виновниках. Лишь через несколько лет, в 1943 г., за это преступление были осуждены солист Большого театра заслуженный артист республики Д.Д. Головин и его сын. Сам Головин, по версии следствия, в убийстве не участвовал, он лишь покрывал своего сына и прятал награбленное.

Естественно, что арест Мейерхольда и обвинение его в шпионаже не могли не сказаться на отношении к Райх, с которой многие приятели мужа и коллеги по театру сразу же разорвали всякие отношения. А смерть ее еще сильнее оттолкнула бывших знакомых от всякого участия в судьбе родных и близких

семьи Мейерхольд-Райх, которых сразу же после похорон выселили из квартиры. Отец Зинаиды Райх, обратившийся по этому поводу к известному актеру МХТ Ивану Москвину, услышал от него: «Общественность отказывается хоронить вашу дочь. И по-моему, выселяют вас правильно».

На Лубянке арестованного Мейерхольда зверски пытали: «Меня здесь били – больного шестидесятишестилетнего старика, клали на пол лицом вниз, резиновым жгутом били по пяткам и по спине, когда сидел на стуле, той же резиной били по ногам, боль была такая, что казалось, на больные чувствительные места ног лили крутой кипяток», – из письма Вячеславу Молотову.

2 февраля 1940 г. Мейерхольда расстреляли. Могилы режиссера не существует, его прах ссыпали в общее захоронение на Донском кладбище Москвы. На месте его театра на Триумфальной площади теперь Концертный зал имени Чайковского.

Театральная жизнь бывшего пассажа на Тверской вновь забила ключом в 1946 г., когда здесь обосновался Театр имени М.Н. Ермоловой. Вот уже семь десятков лет он с попеременным успехом радуется своих зрителей. А здание недавно пережило капитальный ремонт, позволивший открыть еще одну, Новую сцену театра.

Долгое время над домом нависало стеклянной громадой здание гостиницы «Интурист», прозванной в народе гнилым зубом Москвы. В настоящее время на его месте возведен новый пятизвездочный отель меньшей этажности, что значительно снизило архитектурную «напряженность» на Тверской улице.

Тверская ул., дом 6

Саввинское подворье, «Ханжонков и К

» и Сдвинутый дом

Архиерейский дом построен в 1907 г. в распространенном тогда в Москве «ложнорусском стиле» по проекту архитектора И.С. Кузнецова. Здание предназначалось для подворья звенигородского Саввино-Сторожевского монастыря. Само подворье возникло здесь еще в 1651 г. по указу царя Алексея Михайловича. Через три года, в 1654 г. монастырь прикупил к подворью еще и три соседних двора.

Известно, что первые каменные постройки – церковь с кельями – возникли на этом участке в последней трети XVII в. Церковь Воскресения Христова имела два придела, в честь иконы Божией Матери Всех Скорбящих Радость и во имя преподобного Саввы Сторожевского. С 1799 г. подворье служило местом пребывания викариев Московской епархии, дмитровских и Можайских епископов.

Немало паломников приходило на подворье, чтобы поклониться находившейся в домовом храме иконе XVII в. преподобного Саввы Сторожевского, имевшей следующую надпись на доске у киота: «Сия икона была поставлена над самым местом могилы, в коей святые мощи Угодника Божия покоились 245 лет». Среди почитаемых святынь были и 56 частиц святых мощей, находившихся в деревянном киоте, и 49 частиц, вложенных в икону.

Одно из тех важных дел, которому насельники подворья отдавали свои силы, была забота о сиротах. Здесь с начала 1900-х гг. под эгидой Московского епархиального общества Святителя Алексия существовало Братство призрения и воспитания бесприютных и нравственно покинутых детей. В церковно-приходской школе занималось до тридцати ребят, была устроена и своя переплетная мастерская, в которой мальчиков учили этому ремеслу.

Благие дела требовали и немалых затрат, часть которых и призван был компенсировать новый Архиерейский дом. Он строился как доходный. На первых двух этажах и в подвале должны были находиться магазины и конторы, а на верхних этажах – квартиры, сдаваемые внаем.

При закладке фундамента дома было обнаружено старинное кладбище: «Во дворе дома Саввинского подворья, по Тверской улице, при сломке здания и выемке земли вырыто 100 человеческих скелетов. На одной из вырытых здесь же надгробных плит имелась надпись на древнеславянском языке. На этом месте в царствование Алексея Михайловича был Воскресенский монастырь с кладбищем при нем», – писали «Московские ведомости» в 1903 г.

Вскоре после постройки здания одной из первых справила здесь новоселье редакция иллюстрированного журнала «Душеполезное чтение». Несмотря на то что среди авторов издания были весьма солидные люди, представители московского духовенства, он приобрел завидную популярность среди самых разных слоев населения.

О товарах, продаваемых в магазинах Архиерейского дома, ходили разные мнения. Так, архитектор И.Е. Бондаренко сетовал: «В начале девятисотых годов открылся на Тверской в доме Саввинского подворья японский магазин, где продавался товар невысокого качества, далекий от подлинного японского искусства. Веера, шарфы, шторы из бусинок и камыша, лаковые изделия были для Москвы новым явлением, культивирующим дурной вкус. Возможно, что этот магазин был маскировкой для шпионов, каких засылала Япония перед Русско-японской войной 1904 г.».

Ну что же, точка зрения интересная, тем более что прецедент подобный существует. Известная немецкая фирма «Зингер» буквально наводнила Россию своими мастерскими по ремонту швейных машин накануне Первой мировой войны. Как потом оказалось, сотрудники «Зингера» еще и шпионили. А главный резидент сидел в Петербурге на Невском проспекте, в знаменитом доме Зингера.

В 1908 г. в одной из квартир дома поселился Александр Алексеевич Ханжонков, участник Русско-японской войны, потомственный казак и будущий выдающийся деятель отечественной кинематографии. Во дворе дома он организовал съемочный павильон акционерного общества «Ханжонков и К

».

Но разрешение на строительство киноателье Ханжонков получил не сразу. Местный архиерей с подозрением отнесся к цели предпринимателя. Не слишком ли греховное дело? Тогда Ханжонков уговорил его прийти хотя бы на один киносеанс. Священнослужитель с удовольствием посмотрел детский фильм «Нил ночью» и другие кинообозрения, после чего дал согласие. Крыша павильона была стеклянной, а потому летом превращалась в огромную теплицу. Жара была несусветная, неудивительно, что спустя два года павильон сгорел.

А. Ханжонков

По легенде, посетив однажды в молодости в Ростове-на-Дону синематограф, Ханжонков навсегда решил связать свою судьбу с кино. Поэтому, получив выходное пособие, полагавшееся после военной службы, в сумме пяти тысяч рублей, он сразу же пустил его на закупку фильмов во Франции. Не обошлось и без обмана. Дело в том, что сперва Ханжонков решил приобрести проекционный аппарат для кинопоказа, для чего отправился в лавочку братьев Пате, располагавшуюся на Тверской в доме Бахрушиных. Там он познакомился с французом Эмилем Ошем, набившимся в компаньоны и нарисовавшим захватывающие перспективы перед малоопытным еще Ханжонковым. Ош предложил скинуться по пять тысяч рублей, поехать в Париж и закупить там кинолент для проката в России.

Но скинулся один Ханжонков, выяснилось это уже в поезде по пути во Францию. Тогда он рискнул взять фильмы в кредит. Вернувшись в Москву, Ханжонков сумел все реализовать и рассчитаться. Впоследствии он не раз прибегал к такому методу. Тот самый детский фильм «Нил ночью» также был взят им на реализацию у англичан и с успехом продан в России гигантским тиражом порядка ста копий.

Таким же образом, заняв в очередной раз денег, Ханжонков и открыл в Саввинском подворье свою фирму «Ханжонков и К

», целью которой было производство и торговля «кинематографическими лентами, волшебными фонарями, туманными картинками, различными машинами и приборами и другими товарами для фабрикации всех этих предметов». По сути это было первое российское предприятие по производству кинофильмов.

В подвале Архиерейского дома Ханжонков организовал лабораторию для монтажа русскоязычных титров к зарубежным фильмам, чего не имели его конкуренты. К 1907 г. им было получено высочайшее императорское разрешение на съемки «Обороны Севастополя», все морские и батальные сцены фильма он режиссировал лично, бесстрашно управляя многотысячной массовой. Реквизит и обмундирование для съемок были предоставлены бесплатно по причине

патриотического подтекста ленты, ставшей первым полнометражным кинофильмом в России.

Бывший кинотеатр Ханжонкова на Триумфальной площади. 1930-е гг.

«Вчера в Кремле производились снимки для синематографа. Антрепренером этого предприятия является есаул Ханжонков, получивший разрешение на производство ряда снимков в Кремле для картин исторического содержания» – так писала московская газета «Утро России» в августе 1911 г.

Современники запомнили Ханжонкова на редкость корректным, мягким и остроумным человеком. Актер и режиссер Иван Перестиани, будущий постановщик «Красных дьяволят», также открытый Ханжонковым, так вспоминает атмосферу, царившую на съемочной площадке: «Выпуск каждой картины был общей радостью, и дружелюбие в производстве было таким светлым и чарующим, что я буквально не верил глазам и ушам. Могу с гордостью засвидетельствовать, что рубли, платившиеся весьма щедро, были где-то далеко, на заднем плане, разговоров о них не вели, во главу дела их не ставили, и никто им не молился. Равно как никто не шептался по углам и никто не зло словил друг о друге».

Современников поражали фантастическая работоспособность и предпринимательский дар Ханжонкова, его умение привлекать людей в те проекты, которыми пренебрегали конкуренты. А их было немало, в том же Саввинском подворье по соседству работала масса прокатных контор: «Глобус» Абрама Гехтмана, контора Осипова, контора общества «Гомон», французская фирма «Эклер» и даже «Наполеон» со своим синематографом. Можно сказать, что в те годы в Архитрейском доме на Тверской был штаб по развитию российской кинематографии. А ведь фильмы тогда покупали рулонами, как ткани, – метр пленки стоил от 45 до 75 копеек.

Ханжонкову удалось оставить конкурирующие фирмы далеко позади. Годовая прибыль его компании к началу Первой мировой войны превышала 150 тысяч рублей. К 1917 г. он уже стал известным киномагнатом, владевшим своей

кинофабрикой, павильонами и штатом работников; капитал его акционерного общества составлял два миллиона рублей серебром. На Триумфальной площади в 1913 г. открылся самый большой в стране «Электротئاتр» Ханжонкова (в советское время – «Москва»). В 1912 г. он создал объединение кинопроизводителей, издавал два популярных журнала о проблемах кино.

Ханжонкову принадлежало более трети всего кинопроката России. Векселя, подписанные им, учитывались во всем мире, честному купеческому слову доверяли западные компаньоны, а русские банки открывали любые кредиты. Он собирал талантливых литераторов для написания сценариев, в научном отделе его компании работали ученые в качестве консультантов, цвет его кинотруппы тех лет составляли Чардынин, Мозжухин, Холодная, Бауэр, Старевич, Кулешов и многие другие.

А вот чего не хватало Ханжонкову, так это здоровья. Еще во время Русско-японской войны он заболел хроническим полиартритом. С годами ходить ему было все труднее. Порой и костыли не помогали. Его жизнь протекала в инвалидной коляске. И здесь большим подспорьем ему была супруга Антонина Николаевна Баторовская, также пробовавшая себя в режиссуре.

Тем не менее энергия Ханжонкова была ключом. Он задумал основать в Крыму российский Голливуд. Только вот время выбрал неудачное – на дворе запахло революцией. Но не побоялся, рискнул открыть весной 1917 г. в Ялте филиал своей фирмы.

Власть в Крыму менялась, но кино любили смотреть при всяких режимах. Ханжонков умудрялся не только снимать новые ленты, но и получать прибыль, и все это в условиях политической нестабильности, чреватой для деятелей культуры всевозможными неожиданностями. Как тут не вспомнить сюжет фильма «Раба любви», действие которого разворачивается именно на юге России.

Конец наступил, когда Красная армия добралась и до Ялты, и до Ханжонкова, а вся его кинопромышленность была национализирована. В 1920 г. Ханжонковы покидают Россию, надеясь продолжить за границей свою кинематографическую деятельность. В 1922 г. в немецком Баден-Бадене он занялся экспериментами по созданию звуковых фильмов, закончившимися его полным банкротством.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Речь идет о гостинице «Москва».

Купить: https://tellnovel.com/ru/vas-kin_aleksandr/tverskaya-ulica-v-domah-i-licah

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)